

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Elena Pavlovna Ilinitzkaya
RG-50.572*0070

Интервьюер: Здравствуйте.

Респондент: Здравствуйте.

Интервьюер: Несколько недель назад мы приходили к Вам и говорили с Вами о Ваших воспоминаниях времён второй мировой войны. Вот сегодня мы приехали, чтобы снять Ваши воспоминания на видео плёнку. Так что, спасибо большое, что Вы согласились поговорить с нами. Для начала --

Респондент: пожалуйста. Чтоб было здоровье.

Интервьюер: Я попрошу Вас назвать Ваше имя и фамилию.

Респондент: Елена Павловна.

Интервьюер: И фамилия у Вас какая?

Респондент: Ельницкая.

Интервьюер: Ельницкая? В каком году Вы родились?

Респондент: В тридцатом.

Интервьюер: Где именно Вы родились?

Респондент: Здесь.

Интервьюер: Здесь — это в селе?

Респондент: Седьмого мая тридцатого года.

Интервьюер: Село Ержово, Рыбницкий район?

Респондент: Да.

Интервьюер: скажите, пожалуйста, в тысяча девятьсот сорок первом году, где Вы находились?

Респондент: В сорок первом году мы покамись тут были. В сорок втором году на осень нас в Очаково выслали.

Интервьюер: Ага. И сколько времени Вы там пробыли?

Респондент: До второй весны.

Интервьюер: До весны? До следующей весны?

Респондент: Да.

Интервьюер: то есть, получается, что до весны сорок третьего года?

Респондент: В сорок третьем году на весну мы сюда приехали.

Интервьюер: Обратно?

Респондент: Приехали и каждый по своим работам разошлись.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, вот до войны в Ержове жили евреи?

Респондент: Евреев тут мало было. Тут были украинцы, молдаване. И кто молдаван — оставался тут, а кто украинец — всех высылали.

Интервьюер: То есть Вы имеете в виду вот в сорок втором молдаване остались здесь?

Респондент: Все молдаване, которые все оставались тут, оставили их.

Интервьюер: А украинцев?

Респондент: А украинцев всех туда до воинской части и там под воинской частью — не знаю или двое суток, или сколько мы сидели. Все, кого там загоняли. Загоняли туда и там сидели. Потом на вокзал погнали и в вагоны, товарные вагоны загнали нас и так завезли нас в Очаково. И там в Очакове привезли до примарии той или как она там — там сельсовет был. Вот, точно я тоже не знаю. И там нас всех распределяли по квартирам — куда кого. И нас до одной женщины было привезли и сказали - а она называлась Катя, как её фамилия я не помню. Там она плакала, кричала, что нас было девять детей, папа и мама — одиннадцать человек. Семья такая была.

Интервьюер: То есть, всех вместе с детьми всех вас возили?

Респондент: А что ж, да конечно! И там, в общем, она плакала. Не хотела, но те ей приказали там, что --

Интервьюер: принять вас?

Респондент: Вынуждена она принять нас. И мы ей сказала, так как у нас большая комната — в ту комнату нас. Но потом батька с мамой согласились и в летней кухне мы сидели. И там мы прожили, сколько прожили, а потом назад. Кто как мог, так и приехал.

Интервьюер: уже сами приехали, как могли?

Респондент: Конечно.

Интервьюер: А вот Вы сказали, что молдаван оставили, а украинцев выслали. Скажите, пожалуйста, а что случилось вот с теми евреями? Даже несколько семей, которые были в Ержове.

Респондент: Евреев тут почти их не было. Одна еврейка была вот тут. Жили, купили дом, но потом. Потом в каком году купили, я не скажу толком, но купили и жили. Жили, но они выехали в Израиль.

Интервьюер: Уже после войны?

Респондент: После войны или может в войну — толком я не скажу. В общем, выехали и там сын с дочкой. Раньше поехала дочка, потом сын поехал. А потом и их забрал. Но они поумирили старики, а молодые — не знаю.

Интервьюер: Вот в прошлый раз, когда мы с Вами встречались, Вы говорили, что у вас тут в Ержове был подвал, который --

Респондент: ну, подвал в колхозе был.

Интервьюер: В колхозе был?

Респондент: Да, мимо нас туда.

Интервьюер: Можете, пожалуйста, рассказать вот эту историю с подвалом?

Респондент: Ну, в подвал завозили евреев богатых. Там не знаю, сколько их было. И приходилось нам с мамой варить там мамалыгу, что молоко, что борщ, что что. И туда мы носили. Мама нас посылала, сколько нас — двое, трое. В общем, ходили мы туда. Ходили мы туда и давали так. Румын хороший стоял на дверях, пускал. А нет - не пускал.

Интервьюер: То есть их туда там привели румыны?

Респондент: Да, румыны привозили этих евреев и туда всех в подвал их.

Интервьюер: откуда Вы знали, что привезли туда именно евреев?

Респондент: Ну, так по рассказу бабий было. Но люди ж тоже знали. Это я мала была, не разбиралась, а там же разбирались, были такие. А потом их, кто умерший, кто там чуть живой, кидали на — у нас сказали лойтер на них.

Интервьюер: Ага, повозки такие длинные.

Респондент: Такие длинные подводы были. Сама подвода была короткая — два метра с половиной, уже я ж потом дошло. В общем, говорят люди. Но мне казалось, что приходил до меня. Так кажется два с половиной, а та — четыре с половиной метра. Такие витые-витые, так - как лестница. И их туда, вобщем, кидали мертвых и живых. Вот так они там дрыгались. Но были малые интересовались — ходили по дороге и дивились. И их куда увезли — не знаю. В общем, сказали потом люди, что и яму, которую копали — их туда всех кидали. А где там, кто там — не знаю.

Интервьюер: Но Вы вот лично видели, как эта повозка лойтра проходила?

Респондент: Вот те, вот мы же рядом с дорогой и мы малые все интересовались. Но сказали, что жидов вывозят. И так мы понимали, а так — не знаю куда их увезли.

Интервьюер: А сколько раз Вы видели вот эту лойтру?

Респондент: Я лишь раз или два видела. Я толком не скажу. Но один раз точно я знаю, что везли их и они там, на лойтрах, вот так дышали. Ну, живые и мертвые — представляешь, что там было?! И в общем, а куда их везли — не знаю.

Интервьюер: Вы не можете вспомнить, что Вы видели конкретно — там были мужчины или женщины, или?

Респондент: Там все разные были. И дети, и мужики, и женщины, и что только хочешь — всех туда свозили.

Интервьюер: И вот эти тела, они были одетыми или раздетыми на этой лойтре?

Респондент: Ой, ну были, конечно, и дети.

Интервьюер: Ну, одетые? В одежде?

Респондент: Кто в чем одетые, так и было.

Интервьюер: Ага. Там были солдаты, был какой-то конвой или их сами вели?

Респондент: Румыны шли. Румыны по ту сторону и по ту сторону лойтры шли.

Интервьюер: Сколько румын было?

Респондент: Ну, я знаю четыре или что. Я толком тоже — мне кажется, что четыре. По бокам по два, один сзади шёл. Но толком я не скажу четыре или пять. Но их вывозили они, в общем. А потом, сколько их там осталось и их вывезли и сказали потом, что их до Сахзавода вывезли и на мост, и кидали в Днестр.

Интервьюер: Это Вы слышали от других людей?

Респондент: Это я слышала, но я не знаю. Потому что я --

Интервьюер: Не видели? И эту лойтру Вы тоже только видели, когда она проходила мимо или Вы пошли вслед?

Респондент: А куда мне надо было идти? Мы ж шли двое и всё. Посмотрели и--

Интервьюер: Ага. Скажите, пожалуйста, вот этих евреев в этом подвале, приблизительно, сколько времени держали?

Респондент: Я не скажу Вам точно.

Интервьюер: А Вы помните, в каком году это было? Когда их привезли?

10 07 Респондент: В сорок втором году мама моя носила до одной еврейки молоко и та ей сказала женщина, что «Маруся, Ваша Вера уже в мешку лежит завязана». А если як она вышла каким родом — я не знаю каким она родом вышла (непонятно). Она и ещё один мужик и мы, батько его защищал как он брат его был. А та женщина пришла и она у нас выховывалась

(пряталась) тут. Вот тут рядом с моей хатой, вот тут была — мы говорили прадио, конопля.

Интервьюер: Да-да.

Респондент: И она всё время в этой конопле выховывалась (пряталась) днём. А ночью приходила, наверное, туда в хату. Вот точно я не скажу, я же была малая, не петрала (не понимала). А тот Яша, который дядька был, так он в Очакове был с батькой. И там в Очакове его хотели расстрелять так, как еврея. Румыны. А батька всё его взял на себя, сказал, что это его брат. Но фамилия не сходилась. Яша он назывался, а фамилию его я не помню.

Интервьюер: То есть, это было в сорок втором перед тем, как Вас отправили в Очаково?

Респондент: Да. Отправили в Очаково и он в Очакове был там с нами вместе. Этот еврей. А когда вот тут их всех везли, после того, как мы приехали сюда их свезли. Но я толком не знаю. А когда их вывезли, то мы были уже дома.

Интервьюер: Ага. Я хотела спросить. Вот, когда Вы ходили носить еду туда к евреям - Вы помните, что было на улице? Лето, осень, зима? Какой сезон года?

Респондент: Весной.

Интервьюер: Это весна была?

Респондент: Весна была.

Интервьюер: Так что Вы думаете, что это была весна сорок второго года?

Респондент: Сорок... на третий год.

Интервьюер: Когда Вы всё ещё еду им приносили?

Респондент: Мы уже из Очакова пришли, когда носили им еду.

Интервьюер: Вы уже пришли с Очакова?

Респондент: да.

Интервьюер: когда им носили еду?

Респондент: да.

Интервьюер: это тогда получается, что сорок третий год, а не сорок второй?

Респондент: Сорок третий. А в сорок втором году мы были в Очакове.

Интервьюер: Да. Но они, значит, евреи, были и в сорок втором, и в сорок третьем?

Респондент: Я не знаю, в каком году они их привезли, а когда мы уже приехали весной, то колхоз уже существовал тут — первая бригада. И, как мы приехали, там нам давали по пуду

попшой. Попшой — кукурузы.

Интервьюер: Да, да. Кукурузы.

Респондент: Кукуруза. Знаешь, что такое?

Интервьюер: Да, да.

Респондент: Кукуруза. И по пуду — по шестнадцать килограмм кукурузы и по шестнадцать килограмм пшеницы давали. На каждую семью, кто пришёл --

Интервьюер: С Очакова?

Респондент: С Очакова. Чтоб было, что есть. И мы зерновали и так и мучились.

Интервьюер: И вот тогда Вы ходили и носили еду этим евреям?

14 24 Респондент: И вот носили там — ну, из бурана мама что могла, то и делала, то мы и носили. Но у нас была корова (непонятно) забрали нашу корову. И тут (непонятно)... была корова. И пришла мама покойная и забрала ту корову себе домой назад. И она пришла в примарию и сказала, что она украла у меня корову. А там одна женщина работала, из Ержовска. И она сказала маме: «Маруся, бери всех своих детей и иди в Примэрию туда» И та пришли... и пришли в Сельсовет туда в примарию. Была примария тогда. И, в общем, там, что они говорили я не разбиралась — так как он говорил тоже с переводчиком. И сказал, что была без молока, а ты чтоб с молоком была. Это ж их корова. И, в общем, решили, чтобы мама корову оставила и держала. Так она приходила каждый день, что мама украла у неё корову.

Интервьюер: А вот эти кауказини — кто они? откуда они были?

Респондент: Кауказяни?

Интервьюер: Откуда?

Респондент: Не знаю, откуда они были. Их, в общем, сыны и батьки пришли в румынскую и немецкую армию. Самовольно или как.

Интервьюер: Добровольцы.

Респондент: Добровольцы, правильно.

Интервьюер: Это Власовцы были? Их называли Власовцы?

Респондент: Власовцы называли. И их поселили в каждую нашу хату, как нас выгнали в Очаково.

Интервьюер: И много их привезли сюда в Ержово?

Респондент: В каждой хате были. Только там не было их, где молдаван жил. А так — в каждой хате они были.

Интервьюер: Ага. И они говорили на каком языке?

Респондент: На украинском языке говорили.

Интервьюер: Они тоже говорили по-украински?

Респондент: да.

Интервьюер: ага. Я хочу вот уточнить. Вы говорите, что Ваш отец помог Яше и той женщине еврейке?

Респондент: Та женщина, она с мамой была. А этот Яша -- та женщина, она не была в Очакове.

Интервьюер: Да, но она была в том подвале?

Респондент: А она была потом в подвале. Как она там выскочила — я не знаю.

Интервьюер: она потом была в подвале или перед тем, как вы уехали в Очаков?

Респондент: Ну, кто её знает — я не знаю. Коли мы были в Очакове и коли они были в подвале - не знаю я. Но коли с подвала они уже, вышла та женщина, и она сказала маме моей, что «Маруся, Вы помните, как я Вам сказала, что Вы уже в мешку лежите завязана?» А это на нашу веру было, а мы не знали. Мы не читали книжки, но мы точно не уточняли, на какую веру это было. Ну, и...

Интервьюер: она вышла из подвала, Вы --

Респондент: а где она потом делась, я не в курсе этого дела. Я не знаю.

Интервьюер: А когда Вы ходили туда в подвал, Вы заходили иногда внутри?

Респондент: Не пускали нас в подвал туда.

Интервьюер: А только до дверей?

Респондент: Так через дверь и там через дверь кто что попал, то и хватал. Ну, голодные люди были там. И тот румын пока не поест, он туда не пускал в подвал. Поест сам, а потом --

Интервьюер: другим, что осталось.

Респондент: А потом, что оттуда — в подвал. И там кто достал, а кто не достал — так и...

Интервьюер: и это он бросал им уже еду или Вы могли отдать людям?

Респондент: Он разрешал, чтоб передать, примерно, туда. А потом они выкидывали, что там не занесли - они выкидывали посуду. Но кто там что ел --

Интервьюер: но Вам приходилось видеть людей вот в подвале? Как они выглядели, как?

Респондент: А как они выглядели, если они закрыты всё время были? Представляешь? Вот то, что они умерли, вот там ещё оно выглядело. Но ни воздуха там, ничего. Там и вонь такая была, что, ну --

Интервьюер: и темно?

Респондент: Ну, как жили там, я знаю?!

Интервьюер: А вот этот Яша, о котором Вы говорите, Ваш отец его знал раньше? До войны?

19 45 Респондент: Видно, знались они до войны... (непонятно) коня и подводу. И он, как отца в Очаково выслали, и он там каким-то способом достал подводу и коня. Но как он там достал...

Интервьюер: но он был из Ержова или из другого места?

Респондент: Он, видно, с Рыбницы был, но не знаю толком. И он, в общем, там себе коня взял и он привёз нашу семью сюда до дому.

Интервьюер: Но перед этим, он был тоже в том подвале?

Респондент: Он не был в подвале, наверное, не скажу толком. Я не знаю за него. А за ту еврейку я знаю, потому что она, как мама её тут кормила уже после того, как она вышла, то она сказала, что «знаешь, Маруся, я же вам говорила, что есть».

Интервьюер: и видели ли Вы, как оттуда вывели людей из того подвала или нет?

Респондент: Я уже потом не видела. Но сказали, что их вывезли и в (непонятно) завода на месте кидали в воду. А что там, как там — то не знаю.

Интервьюер: А Вы когда-нибудь уже после были на том месте? Заходили в тот подвал когда-нибудь?

Респондент: А что ходить то туда? Я не ходила. Я не ходила, но там помещение колхозное было. Здоровый. Там подвал был сильно здоровый.

Интервьюер: Сколько, примерно, метров там было?

Респондент: Ну, метров я знаю? Что я теперь скажу? В общем, здоровый был подвал.

Интервьюер: Ну, как? Как Ваш дом весь или меньше?

Респондент: Да, наверное. Примерно так.

Интервьюер: Как Ваш дом?

Респондент: да.

Интервьюер: а сколько Ваш дом имеет? Вот сколько метров на сколько?

Респондент: Восемь на пять.

Интервьюер: Восемь на пять метров, да? И, примерно, вот --

Респондент: а может и больше был.

Интервьюер: Может быть даже больше был, да?

Респондент: да. ну, колхозный подвал представляешь какой? Там же всё тремали в подвале.

Интервьюер: И вот там было набито людьми? Он был полный?

Респондент: Было полно людей там. Полно евреев было. Малых, и старых, и каких хочешь.

Интервьюер: Вы кого-нибудь из них узнали или нет?

Респондент: А что можно было узнавать? Одну лишь тётку я знала и знала я того Яшу. Видела, что я видела... Что мне было то делать?!

Интервьюер: Но Вы не видели их там внутри?

Респондент: Внутри я их не видела. Он не был Яша там, это я точно знаю. А она там была, а каким родом вышла, выскользнула — этого я не знаю.

Интервьюер: А Ваши родители? Они ходили когда-нибудь туда относить еду?

Респондент: Мы всё время. Мама посылала нас. У нас была семья здоровая и нас мама посылала, что сварить и туда. Что могла — там и лобода, и что там. Представляешь, что война была?

Интервьюер: да.

Респондент: что мы ели, то и им. Ходили на гору, собирали картошку такую мершую. И варила мама, что могла, и туда. Что ели-ели и туда носили. И люди богатые носили туда, но не знаю там, кто там носил.

Интервьюер: А во время войны вот Вы лично видели какие-нибудь случаи, чтобы кто-нибудь из других людей, разных национальностей пострадал? Чтобы их убивали или, знаете, применяли насилие к мирному населению любых национальностей?

Респондент: Мирное население, вот я тебе скажу — один во дворе там хлопец был. Он был двадцать пятого года, а один был двадцать седьмого. И вот румыны говели на них и сказали, что «всё, ведут меня расстрелять». И его заставили там румыны, чтоб он сам выкопал яму и расстреляли его там и засыпали. Как прошла война, мама с батюшкой забрали его и похоронили.

Интервьюер: Ваша мама и ваш отец, они?

Респондент: Не моя мама.

Интервьюер: А, их? Его?

Респондент: Их родители.

Интервьюер: А Вы об этом знаете — кто-то рассказал Вам или Вы видели, как?

Респондент: Я видела, как он шёл сам. Я знаю одного звали Ефим, а одного Иван. Этого Ивана расстреляли над берегом.

Интервьюер: Иван. Помните и фамилию его?

Респондент: Сукуйский.

Интервьюер: Сукуйский Иван.

Респондент: Сукуйский Иван.

Интервьюер: И ещё другой парень. Ефим, Вы говорите, что он был?

Респондент: а тот был Ефим, но его расстреляли тоже там. Но я его не видела. Там, через три - через четыре дома в огороде тоже выстрелили и заставляли копать окопы. И они, так как в русскую армию рвались, а их заставляли окопы копать румыны и немцы. И одного расстреляли — я видела. Как видела?! я не видела. Я видела, как они шли и вели его. И он сказал «До свидания. Ведут меня убить».

Интервьюер: Его вели по дороге? Вот здесь по селу?

Респондент: По той дороге из под горы. Вели его до Днестра.

Интервьюер: А кто его вёл?

Респондент: Румыны.

Интервьюер: Солдаты?

Респондент: Солдаты румыны.

Интервьюер: Много солдат было?

Респондент: Два мужика видела.

Интервьюер: Они были вооруженными или нет?

Респондент: Ну, были с автоматами или с чем они там были. Ну, было. С чего ж они тогда стреляли?!

Интервьюер: и Вы не видели, как его расстреливали?

Респондент: Я не видела. Мы не ходили, нам же не разрешали ж.

Интервьюер: Но Вы слышали выстрелы, когда его убивали?

Респондент: Я не слышала.

Интервьюер: а это далеко? Вот то место? Там, где Вы его видели и место, где его расстреляли? Это далеко?

Респондент: Вот туда на Днестр самый.

Интервьюер: Сколько, приблизительно, метров было?

Респондент: Я знаю метр, какой метр?

Интервьюер: Километр?

Респондент: Тут больше. Наверное, с километр.

Интервьюер: То есть, довольно далеко было?

Респондент: Ну, всё равно. Я если бы немного была постарше, а я такая, знаешь.

Интервьюер: А о другом парне? О вот этом Ефиме вы слышали?

Респондент: О том Ефиме слышала, что сказали, что там на огороде расстреляли. Но коли его забрали, что отца Ивана понесли через — несли, как выкопали и несли такого через чужой двор. И та хозяйка сказала — зачем? Что Вы несёте через мои двери? И на другой или на третий день их сын умер. И сказали, что нельзя нести через чужие двери покойника.

Интервьюер: А оба эти молодые люди — и Иван, и Ефим — они были из Ержова? Местные?

Респондент: Да, Сукуйские.

Интервьюер: Сукуйские. И другой парень тоже?

Респондент: да.

Интервьюер: Вам известно о каких-нибудь других случаях?

Респондент: Ну, больше что я могу сказать... так то.

Интервьюер: Спасибо.

Респондент: Если б я была постарше. А так - что и не была там.

Интервьюер: Есть ещё два вопроса. Я хочу уточнить. Во-первых, я хочу уточнить насчёт года. В каком году вот этих евреев держали в том подвале? Чтобы точно.

Респондент: Как я знала, в сорок третьем году.

Интервьюер: Это было до или после того, как Вы вернулись с Очакова?

Респондент: Как мы вернулись из Очакова.

Интервьюер: Ага. И вы вернулись — это было весной, я правильно поняла?

Респондент: Весной.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Весной мы все пришли на поле на работать. малые и взрослые.

Интервьюер: И помните, приблизительно, как долго Вы ходили туда носить еду вот в этот подвал?

Респондент: Ну, я --

Интервьюер: там несколько недель или уже прошло несколько месяцев? Летом, например, Вы тоже носили еду или нет?

Респондент: Летом... летом — нет. Наверное, летом — нет... Как весной приехали и носили им там. А если их вывезли — я не видела. Остальных. Но видела один или два раза, как они их вывезли там...

Интервьюер: лойтрами?

Респондент: Лойтрами. Те лойтры назывались — ты не в курсе дела?

Интервьюер: Повозки такие.

Респондент: Повозка. Повозка там два метра с половиной, а то — четыре метра с половиной... тоже что ли помню какие там метры были эти лойтры. И вот, вот так. На поле возили снопы на них, солому. Караван сюда (непонятно).

Интервьюер: А скажите, пожалуйста, а вот этот Яша — он тоже вернулся с вами из Очакова?

Респондент: Вернулся. Он же привёз нас домой на той подводе, что там с батькой доставал или что. В общем, не знаю.

Интервьюер: А что с ним стало, с этим Яшей?

Респондент: Не знаю, куда делся.

Интервьюер: А та другая женщина, которая пряталась у вас в конопле?

Респондент: а та, я тоже не знаю, где девалась потом.

Интервьюер: Она пряталась у вас в конопле летом, наверное?

Респондент: Конечно летом.

Интервьюер: Ага. И как бы до осени или как долго, приблизительно, она пряталась?

Респондент: До осени там та конопля не трималась (не держалась), её надо было собирать и носили на берег мочили. Мы делали одежду с неё. Там она до осени, а куда она делась?!

Интервьюер: Тоже не знаете?

Респондент: Тоже не скажу.

Интервьюер: Пожалуй, это всё. Спасибо Вам.

Респондент: Не за что. Будьте здоровы.